

ПОИСК ТЕМЫ

Нет на свете такого понятия, как неинтересная тема. Зато есть такое понятие, как безразличный человек...

Гилберт Кит Честертон

Демократия — как спасительное лекарство с прорвой противопоказаний. Но, увы, прав Уинстон Черчилль, человечество пока ничего лучшего не придумало. В демократию можно просто не верить, можно пренебрегать ею хотя бы потому, что практически во всех бывших союзных республиках мы имеем дело с формой правления, при которой ничтожное меньшинство получает то, что принадлежит абсолютному большинству, или, когда говоришь то, что хочешь, но делаешь то, что велят. А вот демократический централизм — это уже детище однопартийной системы, которая не просто обязывает, а заставляет выбирать руководящие органы по принципу «снизу доверху». Это когда меньшинство раболепно подчиняется большинству, когда нужно фанатично соблюдать дисциплину. Хотя и жизнь, и история, и человеческий опыт показывают, что мнение большинства не может быть догмой только потому, что оно принадлежит, видите ли, мнению большинства. Ибо один древний философ верно заметил, что большинство голосов вовсе не есть неопровержимое свидетельство в пользу истины. Другой добавил, что нет ничего отвратительнее большинства, при этом он вовсе не оскорблял народ как таковой. Третий — что на истину натолкнется, скорее, отдельный человек, чем целый народ.

Вот и выходит, что, уж кто-кто, а литератор (публицист, журналист) никогда не должен быть в плену у мнения большинства. И тогда у него всегда будет своя тема, которую он сам попытается раскрыть. По крайней мере, так поступали, так жили практически все истинные художники. Выступали против революций, против реформ, против того, чтобы менять народные традиции, выработанные веками. Прислушаемся к голосу одного из самых тонких «лириков прозы» Ги де Мопассана, который в пору, когда (70-е-80-е гг. XIX века) во Франции

только и знали, что занимались революциями, реформами, демократизацией общества, писал: «Чувство ужаса охватывает нас всякий раз, когда установленный порядок ниспровергнут, осознание безопасности утрачено. Когда все, что сохранилось законами природы или законами людей, отдано во власть бессмысленной, грубой и беспощадной силы, отнимающей у нас веру в извечную справедливость, в покровительство небес и разум человека...»

...Подъезжаешь, к примеру, ночью к Еревану из Гарни или из Гюмри и на каком-то повороте, с какой-то точки вдруг четко видишь яркие огни двенадцатой столицы Армении. Можно в это время подумать о том, что огни в одиннадцати бывших столицах Армении давно погасли. И тогда мысли твои понесут тебя в глубь веков, непременно заставят задуматься над тем, почему Армению называют «страной кочующих столиц». Кто в этом больше всех и больше всего был виноват? А можно предоставить себе, что каждый огонек, каждая лампочка — это живая душа, а за горящими окнами есть жизнь. У каждого человека — своя судьба. Огней очень много. Намного больше, чем на небе звезд, которых, как утверждал Виктор Амбарцумян, всего две тысячи, тех, которые можно насчитать, если наблюдать невооруженным глазом. В Ереване огней миллионы. Если даже посчитаем, что на каждого человека приходится всего одна лампочка, то уже — миллион огней. Миллион сконцентрированных в пучках света счастливых и печальных лиц, улыбок и слез, рождений и смертей. Словом, все то, что называется художником «Всюю жизнь». И все это тоже тема для писателя. Все, в том числе и смерть.

В моем блокноте есть запись: «Мне довелось встретиться с великим католикосом всех армян Вазгеном 1, которого я считаю своим духовным отцом, за несколько недель до его смерти. Он уже не был похож на библейски красивого мудрого старца. По привычке первым делом он справился об Арцахе. Я сказал, что на днях в Бишкеке подписали договор о прекращении огня. Он широко улыбнулся и едва слышно произнес: «Стоило дожить до этой минуты, чтобы услышать такую новость». Удивительно, что нечто подобное сказал и Виктор Амбарцумян незадолго до смерти. Мы с журналистом Иосифом Вердяном посетили его в Аштараке. Виктор Амазаспович вспоминал, как год назад (в 1995 году), он 9 мая увидел парад войск Арцаха на Степанакертской площади Свободы. По окончании парада великий ученый сказал: «Теперь, после все-

го того, что довелось мне здесь увидеть собственными глазами, и умереть не жалко».

Этой записи, уместившейся на одной страничке блокнота, достаточно, чтобы раскрыть философскую тему об относительности счастья.

...Подчас даже короткая фраза, коряво записанная в блокноте или на клочке бумаги, может стать истоком целого философского трактата. К примеру: «Лучше бежать сорок километров от селения Марафон до Афин и, подобно греческому воину, который 9 сентября 490 год до н. э. сообщил соотечественникам о победе Греции над персами, упасть замертво, чем по сотовому телефону узнать, что в Армении армянин опять убил армянина». Здесь есть не только мысль о том, что добрую весть надо доносить до родных и близких, до друзей, до столицы Родины любой ценой, но и о том, как изменился человек на пике цивилизации.

...Еще одна запись в блокноте, которая ждет своей, что называется, разработки: «Когда люди недовольны своей Родиной, они душевнобольные». Эти жесткие слова написаны выдающимся армянским полководцем, философом и публицистом Гарегином Нжде. В наше время дело доходит до того, что в наших бедах мы виним даже собственный народ, собственную страну, собственную геополитику. Воистину мы душевнобольные.

...До сих пор храню запись, сделанную в сентябре 1992 года: «Егор Гайдар и иже с ним, видите ли, добились того, что ликвидировали очереди, которые были самым страшным позором СССР. Прodeлали этот фокус за счет того, что, скажем, повысили цену на колбасу с двух рублей до тысячи. При этом они не думали о том, что потеряли армию, совокупное здоровье народа и веру в завтрашний день». Храню, ибо хорошо знаю: дойдет очередь и до этой очень интересной и очень важной темы.

...«Нужна реформа, судебная реформа». Всего четыре слова, которые занимают меньше половины строки. Но убежден, тему эту не раскроешь даже в пространным опусе. Прежде всего следует разобраться в том, почему ее проводили именно тогда, когда все остальные правовые институты оставались неизменными? Ведь реформы осуществляют люди для людей своего поколения. И те, и другие отягощены прежним советским менталитетом. Значит, «прежние» будут вершить «новый суд». Это значит, если раньше ты брал деньги, но при этом хотя бы краснел и боялся ЦК, прокурора и прессы, то теперь — все тебе трын-трава. Не случайно один философ в далеком прошлом

утверждал, что «для торжества реформы важнее всего, чтобы она, не дай Бог, не увенчалась успехом». Другой не так давно добавил, что «ничто не порождает в государстве такой неразберихи, как вводимые новшества и реформы: всякие перемены выгодны лишь бесправию и тирании». Я уже готов приступить к реализации этой темы. Есть даже заготовленный эпиграф: «Реформатор, для которого мир недостаточно хорош, в конце концов оказывается тем самым человеком, который недостаточно хорош для этого мира» (Бернард Шоу).

...«Что может быть опаснее, чем воинственная серость, активная посредственность, несусветная пошлость, тиражируемые на телеэкране?» Запись эта сделана недавно. Вспомнил, как где-то в 60-х патриарх «Комсомольской правды» Василий Песков писал в родной газете о том, как иные сотрудники ГАИ, разъезжая по городу с мегафоном в руках, громко читают проповеди пешеходам. Песков остроумно съязвил: «Не надо забывать, что громкоговоритель усиливает не только голос, но и глупость, и пошлость». Это было другое время. Тогда одной статьи было достаточно, чтобы в МВД приняли решение о запрете использования громкоговорителей в работе ГАИ. Сегодня представители воинственной и активной посредственности без редакторской правки текста самодовольно и самонадеянно отвечают на любые вопросы телезрителей. При этом им и в голову не приходит, что посредственность — это добродетель исключительно в глазах посредственных людей. А речь в конечном результате идет о навязывании массам деформированного и уродливого общественного мнения, которое, по выражению Наполеона, часто превращается в публичную девку.

Я далек от мысли хоть на йоту упрощать философию и технологию поиска журналистской темы. Сам процесс этот насколько серьезный, настолько и интересный, творческий. Если верна расхожая истина, что стиль — это человек, а, по Жюльо Ренару, «вторая натура мысли», то поиск темы — это сам журналист, сам писатель. Ибо поиск — это выше того, что можно найти.